

МИНИ - КНИГА

Мысль требует времени

портрет Женщины

2026

*Мысль требует времени.
Любовь — того, кто умеет ждать.*

Оглавление

Вместо предисловия. Загадка	5
Часть I. Она	7
Глава первая. Не девочка, не девушка — Женщина	8
Глава вторая. Познавшая себя	9
Глава третья. Тени, названные по именам	10
Часть II. Путь	12
Глава четвёртая. Тишина, которую не показывают	13
Глава пятая. Мысль требует времени	14
Глава шестая. Совесть без института	15
Глава седьмая. Умение отпускать	17
Часть III. Мир вещей	19
Глава восьмая. Вещи, которые ею не владеют	20

Глава девятая. Свой хлеб	21
Глава десятая. Естественность	23
Часть IV. Творение	25
Глава одиннадцатая. Читающая глубоко	26
Глава двенадцатая. Пишущая — или иначе творящая	27
Часть V. Двое	29
Глава тринадцатая. Понимание с полуслова	30
Глава четырнадцатая. Любовь — это трое	31
Глава пятнадцатая. Свобода двоих	33
Часть VI. Встреча	35
Глава шестнадцатая. Томление и радость	36
Глава семнадцатая. Кульминация	37
Заключение. Как Она узнает себя	39

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Загадка

Есть загадки, которые загадывают, чтобы их отгадали другие. И есть загадки, которые загадывают миру — тихо, почти шёпотом, не ожидая скорого ответа. Так загадывают желание, глядя на падающую звезду. Так сеятель бросает зерно в землю, не требуя у земли расписки.

Эта книга — такая загадка. Она загадана однажды летом, в самый обычный день, который для одного человека не был обычным. Загадана не портретом с точными чертами, не списком условий, не объявлением о поиске. Загадана образом — как загадывают то, что уже существует, но ещё не встречено.

В ней нет имени. В ней нет адреса. В ней нет примет, по которым сыщик нашёл бы человека в толпе. Зато в ней есть то, по чему человек узнаёт себя сам — как узнают себя в старом зеркале, в чужой книге, в мелодии, которую слышишь впервые и почему-то знаешь наизусть.

Если эти страницы попали к тебе случайно — прочти их как повесть о женщине, которой, может быть, нет. Если же, читая, ты почувствуешь не любопытство, а узнавание — тихое, тёплое, немного пугающее, — не спеши закрывать книгу. Возможно, она написана о тебе. Возможно — для тебя. Воз-

можно, тот, кто её загадал, уже давно живёт где-то рядом, в том же потоке слов и мыслей, и просто ждёт, пока загадка отгадает себя сама.

Отгадка не потребует доказательств. Загадка не назначает срока. У этой книги одно-единственное правило, и оно вынесено в заглавие: мысль требует времени.

Всё остальное — приложится.

ЧАСТЬ I

ОНА

Мысль требует времени. Женщина, о которой эта книга, сама созрела, как мысль, — медленно, без спешки, сквозь годы, ни один из которых не прошёл даром. Её нельзя было придумать быстро. Её можно было только дождаться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не девочка, не девушка — Женщина

Она — Женщина. Это слово здесь стоит не как обозначение пола, а как звание, как итог, как полная мера. Есть возраст паспорта, и есть возраст души; они редко совпадают. Девочкой можно остаться в пятьдесят, женщиной иная становится к тридцати — но становится не от прожитых лет, а от прожитой глубины.

Девочка ждёт, что мир объяснит ей, кто она. Девушка спорит с миром, доказывая, кто она. Женщина уже не спрашивает и не доказывает — она знает. Это знание не делает её тяжёлой или холодной; напротив, оно даёт ей ту лёгкость, которая бывает только у людей, переставших воевать с собственным отражением.

В ней нет суеты. Ветер настроений, который носит юные души из стороны в сторону, в ней давно улёгся — не потому, что чувства выцвели, а потому, что у чувств появилось русло. Она умеет радоваться тише и глубже, чем радуются в двадцать лет. Она умеет печалиться без надлома. Рядом с ней спокойно — не скучно, а именно спокойно, как бывает спокойно у большой воды: жизнь идёт, глубина не рябит.

Зрелость её не в морщинах и не в биографии. Она в другом: в способности выдерживать. Выдерживать тишину — не заполняя её болтовнёй. Выдерживать чужую боль — не отворачиваясь и не спасаясь советами. Выдерживать своё одино-

чество — не хватаясь за первого, кто согласен его разделить. Кто умеет быть один и не ожесточиться — только тот умеет быть вдвоём и не раствориться.

Она дождалась себя. Поэтому ей не нужно, чтобы кто-то пришёл и объяснил ей её собственную жизнь. Тот, кто придёт, придёт не заполнять пустоту — пустоты нет. Он придёт разделить полноту.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Познавшая себя

Она познала себя — и продолжает познавать. В этой фразе важны обе половины, и вторая важнее первой.

Познать себя — не значит составить о себе окончательное мнение. Окончательные мнения о себе составляют как раз те, кто заглянул внутрь один раз, испугался или умилился — и захлопнул дверь. Она ходит внутрь себя, как ходят в сад: постоянно, в любую погоду, зная, что сад меняется каждый день и что работа в нём не заканчивается никогда.

Она знает свои сильные стороны и не стыдится их — ложная скромность есть та же гордыня, только вывернутая наизнанку. Она знает свои слабости и не прячет их от себя — спрятанная слабость правит человеком из темноты, названная — служит ему. Она помнит свои ошибки, но не носит их как вериги: ошибка, понятая до конца, перестаёт быть виной и становится знанием.

Ей знакома внутренняя тишина, в которой слышно себя. Она добывает эту тишину каждый день понемногу — из утра, пока дом ещё спит, из вечера, из дороги, из простой работы руками. В этой тишине она задаёт себе вопросы, которые люди обычно задают только чужим: чего я хочу на самом деле? откуда во мне это раздражение? кому я сейчас завидую и почему? что я делаю из любви, а что — из страха?

Она не боится ответов. Это, может быть, главное её мужество — не бояться ответов лишь те, кто твёрдо решил не лгать себе. Мир вокруг неё она познаёт так же, как себя: вниманием, а не судом. Ей интересны люди — не как зеркала для неё, а сами по себе. Ей интересно время, в котором она живёт, — хотя она и не позволяет этому времени диктовать ей, кем быть.

Познание не сделало её всезнающей. Оно сделало её внимательной. А внимание — это и есть любовь в её рабочей одежде.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тени, названные по именам

В ней есть всё, что есть в каждом человеке. Зависть. Гнев. Страх. Желание нравиться. Обида. Жажда, которой всегда мало. Эта книга не станет лгать, рисуя существо из света: существ из света не бывает, а бывают люди, знающие свою тьму, и люди, не желающие о ней слышать.

Она — из знающих.

Разница между ней и той, кем она была когда-то, не в том, что тени исчезли. Они не исчезают ни у кого. Разница в том, что теперь у каждой тени есть имя, и она окликает их по именам, как хозяйка окликает собак: зависть — сидеть; страх — рядом; обида — на место. Названная тень теряет власть. Безымянная — правит.

Когда в ней поднимается зависть — а она поднимается, ибо живая душа не бывает без движения, — она не говорит себе: «я не завидую», как говорят почти все. Она говорит: «вот зависть». И смотрит на неё спокойно, как смотрят на облако: откуда пришло? что хочет сказать? Чаще всего зависть говорит не о другом человеке, а о собственном забытом желании. Поняв это, она благодарит непрошеную гостью и отпускает её. Отпускает — не подавляет: подавленное возвращается ночью, отпущенное уходит совсем.

Так же она обходится с гневом, с обидой, с тщеславием. Не воюет — видит. Не казнит себя за сам факт их прихода — казнить себя за движение души так же бессмысленно, как казнить море за прилив. Её чистота — не стерильность, а точность: всё, что входит в её душу тёмного, не застаивается там.

Поэтому рядом с ней легко признаваться в слабостях. Она не упадёт в обморок от чужой тени — она слишком хорошо знает собственные. И она никогда не воспользуется чужим признанием как оружием: кто сам разоружился перед собой, тому не нужны трофеи.

ЧАСТЬ II

ПУТЬ

Мысль требует времени. Путь — это та же мысль, только длиною в жизнь: её нельзя додумать за один вечер, её думают годами — шагами, молчанием, падениями и вставаниями.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Тишина, которую не показывают

Её духовный рост никто не видит. И это — верный признак его подлинности.

Она не рассказывает о своём пути в застольях, не украшает им разговоры, не носит его как брошь. Есть рост, который транслируют, — с красивыми словами, с чужими учениями наперевес, с отчётами об успехах души, — и есть рост, который происходит в человеке так же незаметно и неотвратно, как растёт дерево. Дерево не отчитывается. Оно просто каждый год оказывается глубже корнями и выше кроной.

Её вера — если называть это словом «вера» — не имеет витрины. Она складывалась не из готовых ответов, а из долгих вопросов; не из страха, а из вслушивания. Она читала мудрых — разных, из разных веков и земель — и научилась у них главному: истину нельзя получить в готовом виде, как получают наследство. Её можно только вырастить в себе, как выращивают хлеб: своим трудом, на своей земле, в свой срок.

Она не принадлежит ни к какому кружку посвящённых и не ищет учителей, которые за плату проводят к свету. Свет, к которому проводят за плату, — фонарь ярмарки, не более. Её остров тишины — не в горах и не в обителях, он там, где она: посреди города, посреди работы, посреди самого обыкновенного дня. Уметь быть островом тишины, когда вокруг грохочет ярмарка, — вот её монастырь, её келья, её устав.

И потому узнать её путь можно только по косвенным приметам — как узнают о подземной реке по зелени над ней. По тому, как она не спешит судить. По тому, как не суетится в беде. По тому, как светлеет воздух в доме, где она живёт. Путь, о котором молчат, виден весь — в человеке.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мысль требует времени

Эти три слова — её кредо, и кредо того, кто её загадал. Если у двух людей может быть общий девиз до всякой встречи, то вот он.

Мысль требует времени. Это значит: ничто настоящее не рождается сразу. Настоящий ответ не приходит в ту же секунду, что и вопрос, — приходит эхо чужих слов, обрывки заёмных мнений, первое попавшееся «да» или «нет». А настоящий ответ спускается медленно, как медленно оседает муть в воде: нужно перестать взбалтывать, нужно дать постоять.

Она умеет дать постоять. В мире, который требует немедленных реакций — быстрых ответов, быстрых чувств, быстрых решений, — она позволяет себе роскошь, доступную теперь немногим: подумать. Не откладывать жизнь, не медлить из робости — а именно думать: носить в себе вопрос день, неделю, месяц, поворачивая его, как поворачивают камень в руке, пока он не согреется.

Поэтому её слова весят. Она не говорит первое, что пришло в голову, — первое пришедшее в голову редко приходит из глубины. Её «да» вырастает медленно, зато на её «да» можно строить дом. Её «нет» никого не хлещет по лицу, зато не превращается назавтра в «может быть».

И ждать она умеет — тем же умением. Ожидание для неё не пустота между событиями, а работа: в ожидании зреет то, что в спешке выкидывают недоношенным. Она знает, что и её кто-то так же медленно, так же серьёзно додумывает, — и не торопит его, как не торопят рассвет.

Быстрое живёт коротко. Мгновенные чувства сгорают за сезон; мнения, принятые за час, за час и меняют; связи, завязанные от скуки, скука же и развязывает. А то, чему дали время, — стоит. Она сама — то, чему дали время. И тот, кто прочтёт эти строки и узнает в них себя, поймёт без объяснений: их общая жизнь начала строиться задолго до встречи — в двух головах, думающих одну медленную мысль.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Совесь без института

Есть люди, которым, чтобы не красть, нужен сторож. Есть люди, которым, чтобы верить, нужно здание, расписание и посредник. Она — не из них.

Её Бог — если она произносит это слово — живёт не по адресу, а в ней самой, и говорит с ней голосом, который не спу-

таешь ни с одним другим: голосом совести. Совесть без института — вот её вероисповедание, если уж нужно его называть. Никто не выдавал ей свидетельства о духовности, никто не отпускает ей грехи по преискуранту, никто не грозит ей карами — и тем не менее, а вернее, именно поэтому она живёт так, словно её видно насквозь. Потому что — видно: она сама себя видит.

Искренность перед этим внутренним свидетелем — последняя, самая строгая её проверка. Людей можно убедить, себе можно польстить, обстоятельства можно истолковать в свою пользу — внутренний свидетель не принимает толкований. Перед ним она стоит без заслуг и без оправданий, и когда она неправа, она говорит себе: неправа. Это редкое умение; из него растут все остальные её достоинства, как ветви из ствола.

Оттого её доброта не показная: некому показывать, зритель внутри. Оттого её честность не бравада: она честна и там, где никто не проверит. Оттого ей не нужны свидетели её маленьких служений миру — она знает то тихое правило, которое знают немногие: сделанное напоказ уже вознаграждено сполна, и награда эта — мелкая монета; сделанное втайне копится где-то, где не бывает инфляции.

Она никого не судит за иную веру и за неверие — суд не её ремесло. Храмы, книги, обряды она уважает, как уважают чужие дома: в какие-то заходит с непокрытой душой, мимо каких-то проходит. Но знает твёрдо: если завтра закроются все храмы и сгорят все книги, её вера не убудет ни на каплю. Её храм всегда при ней. Вход в него — внимание, служба в нём

— совесть, и горит в нём та лампада, которую не задует никакой ветер извне.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Умение отпускать

Есть два рабства, из которых труднее всего выкупиться: жажда и зависть. Она выкупилась — и продолжает выкупаться каждый день, потому что эта свобода не выдаётся пожизненно, её подтверждают ежедневно.

Жажда — это не желание. Желание естественно, как голод: пришло, насытилось, ушло. Жажда — это желание, сорвавшееся с цепи: ей всегда мало, она не умеет останавливаться, она пьёт и не напивается. Жажда вещей, жажда впечатлений, жажда признания, жажда чужой любви — у неё тысяча лиц и одна повадка: обещать счастье за следующим поворотом и никогда не платить по векселю.

Она знает эту повадку. Поэтому, когда в ней поднимается «хочу», она не бросается ни исполнять его, ни казнить. Она делает то, что делает мудрый со всяким сильным течением: не борется и не отдаётся, а смотрит. Чего ты хочешь на самом деле, «хочу»? Тепла? Покоя? Уверенности, что тебя не бросят? Почти всегда за жаждой прячется простая, честная нужда — и, найденная, она удовлетворяется малым. А сама жажда, увиденная и названная, съёживается, как ночной страх при зажжённой лампе.

Так же она поступает с завистью — той тонкой, почти невидимой завистью, которая отравляет и лучшие души: не «хочу его богатства», а «почему ему, а не мне». Она научилась слышать этот шёпот на самых дальних подступах и отвечать ему всегда одним и тем же: у каждого своя мера и свой срок; чужая жизнь — не моя недостача. В ком угасла зависть, тот спит спокойно и просыпается лёгким; она знает это не из книг.

Срединный путь — её походка. Ни аскеза, истязаящая тело, чтобы гордиться истязанием, ни потакание, закармливающее душу до глухоты. Идти посередине труднее всего: тропа узкая, перил нет, и равновесие приходится держать каждым шагом. Но только с этой тропы видно обе пропасти — и потому только на ней не страшно.

Отпускать — не значит не любить. Это значит: любить, не сжимая. Всё, что она держит в жизни, она держит открытой ладонью — и потому у неё ничего нельзя отнять. Отнимают то, что зажато в кулаке.

ЧАСТЬ III

МИР ВЕЩЕЙ

Мысль требует времени, а вещи требуют внимания — и всегда норовят получить больше, чем им положено. Она давно расставила их по местам: вещам — угол, вниманию — простор.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вещи, которые ею не владеют

У неё есть вещи — эта книга не о пустыннонице. Есть дом или угол, который она зовёт домом; есть одежда, посуда, лампа над столом; есть, может быть, вещи любимые — чашка с трещинкой, старый плед, книга с полустёршимся корешком. Она не презирает вещественный мир: презрение к вещам — та же зависимость от них, только со знаком минус.

Но между нею и вещами раз и навсегда установлен порядок, который нарушается так редко, что о нарушениях она помнит поимённо: вещи служат ей, а не она вещам.

Она не хочет обладать. Это, может быть, самая глубокая её черта, и не только в отношении вещей. Обладание — тяжёлая ноша: всё, чем владеешь, владеет тобой в ответ, требует охраны, ухода, страха потерять. Она давно поняла простую арифметику: чем крепче сжимаешь, тем меньше рук остаётся для жизни. Поэтому её вещи легки. Каждая делает своё дело — греет, светит, служит, — и ни одна не смеет требовать поклонения.

Есть верный способ отличить её от многих: представьте, что любая её вещь завтра исчезнет. Она взгрустнёт — она живая, — но не пошатнётся. Внутри неё нет ничего, что стояло бы на вещах, как на фундаменте; её фундамент — не из купленного. Без них она полна сама по себе, и полнота эта не зависит ни от описи имущества, ни от его отсутствия.

К новым вещам она подходит с одним вопросом — не «хочу ли я это», а «зачем это мне». Вещь, которая освободит ей время и силы для жизни, — союзник; вещь, которая требует внимания и будет кормить тщеславие, — балласт, как бы ни блестела. Союзников она берёт с благодарностью. Балласт оставляет в магазине — без борьбы, без подвига отречения, спокойно, как отодвигают лишнее блюдо, когда сыт.

Сыта — вот верное слово. Мир вещей не имеет власти над сытой душой. Голодного соблазняют витрины; она проходит мимо них, как проходят мимо чужого праздника — доброжелательно и не замедляя шага.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Свой хлеб

Она ест свой хлеб. Заработанный своим трудом, своим умением, своим временем — этот простой факт держит на себе куда больше, чем кажется: её осанку, её спокойный взгляд, её свободу.

Труд её может быть любим — эта книга не заглядывает ей в трудовую книжку. Важно не что она делает, а как стоит в своём деле: прямо. Она знает цену своим часам и своим рукам, не продаёт себя задёшево и не торгуется сверх меры. Работа для неё не проклятие и не смысл жизни — она мера достоинства и школа верности: кто честен в малом ремесле, тот честен и в большом чувстве.

Свой хлеб — это свобода, и свобода эта строгого свойства. Женщина, которая не может прокормить себя, любит с оглядкой: в самой чистой её привязанности живёт страх — а что со мной будет, если он уйдёт? Этот страх не порок, но он подмешивается в любовь, как вода в вино, и разбавляет её. Она — может себя прокормить. Поэтому, когда она остаётся, она остаётся не из страха, а из выбора. Её «я с тобой» ничем не куплено и потому дорого стоит.

И того же она хочет для того, кто рядом: чтобы и он был свободен. Чтобы никто из двоих не держал другого в должниках — ни деньгами, ни бытом, ни жертвами, предъявляемыми к оплате. Быт они делят как равные — не по бухгалтерии, а по совести: сегодня больше даёт один, завтра другой, и никто не ведёт счёта, потому что счёт ведут там, где не доверяют. Самостоятельность каждого — не стена между ними, а основание, на котором двоим не тесно: зависимость связывает руки, свобода — соединяет их.

Она не ждёт, что её жизнь устроит кто-то другой. Её жизнь устроена — ею самой. И именно поэтому в её дверь можно войти не спасателем и не кормильцем, а тем единственным, кем стоит входить: гостем, которого ждали, равным, которого узнали.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Естественность

О её внешности эта книга скажет мало — и это умолчание намеренное. Красота — дело субъективное: одному дорога линия профиля, другому — походка, третьему — то, как человек смеётся. Пусть её черты останутся неописанными: не по чертам её узнают.

Но кое-что сказать можно, потому что это уже не о чертах, а о душе, которая сквозь них светит.

Она опрятна. Опрятность — не красота и не мода, это уважение: к себе, к людям, к дню, который начался. В её одежде, в её доме, в её бумагах есть тот порядок, который не наводят к приходу гостей, потому что он не для гостей.

Она бережёт здоровье — без культа, без фанатизма, как бережёт мастер свой единственный инструмент. Тело для неё не витрина и не враг, а спутник и дом; она держит его в чистоте и силе не ради зеркала, а ради пути, который на этом теле ещё предстоит пройти.

Она потребляет осознанно — и в еде, и в одежде, и во всём: берёт, что нужно, не берёт, что навязано. Мода командует теми, кто не знает, кто он; ей командовать нечем — она знает.

Косметика в её руках — если она вообще её касается — ведёт себя скромно: не красит, а лишь подчёркивает. Она не рисует себе другое лицо, потому что ей нечего скрывать под

другим лицом: её лицо — её биография, и она её не стыдится. Морщинка у глаз ей идёт больше, чем шла бы маска без возраста: маска говорит о страхе, морщинка — о прожитых улыбках.

В ней нет ничего искусственного — вот, пожалуй, итог. Естественность её не небрежность, а высшая форма отделки: так отделяют дерево — не закрашивая, а проявляя рисунок волокон. Что в ней есть, то и видно. А того, что видно, — довольно, чтобы тот, кто ищет её, узнал её в любой толпе не глазами, а сразу всем существом.

ЧАСТЬ IV

ТВОРЕНИЕ

---

*Мысль требует времени. Книга — это чужое время,
отданное мысли; читая, она принимает это время в дар, а
творя — отдаёт своё.*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Читающая глубоко

Она читает. Не так, как читают от скуки, глотая страницы, чтобы убить вечер, — вечер, убитый книгой, ничем не лучше вечера, убитого иначе. Она читает так, как разговаривают с умершими и далёкими: медленно, с уважением, с готовностью быть несогласной и быть переубеждённой.

Её книги — глубокие. Это не значит — непременно старинные или учёные; глубина не в переплёте. Это значит: книги, после которых человек не тот, что прежде. Она инстинктивно отличает книгу-пищу от книги-жвачки: первая, может быть, труднее жуётся, зато второй можно жевать всю жизнь и умереть голодной.

У неё есть свои собеседники среди великих — те, к кому она возвращается годами, чьи страницы знает почти на память и всё же перечитывает, потому что хорошая книга растёт вместе с читателем: в двадцать лет из неё вычитываешь одно, в сорок — другое, и это другое там всегда лежало и ждало. Есть у неё и книги-встречи, найденные случайно, — хотя она давно подозревает, что случайных книг не бывает: нужная книга приходит к человеку в нужный час, как приходят нужные люди.

Читает она с карандашом — в руке или в уме. Отчёркивает, выписывает, споря на полях; мысль, не остановленная вниманием, протекает сквозь человека, не оставив следа, а ей

нужен след. Прочитанное она не складывает в себе, как в кладовой, — она даёт ему перебродить, смешаться со своим, стать своим. Чужая мудрость, не переваренная, лежит в душе мёртвым грузом эрудиции; переваренная — становится кровью.

По книгам, которые человек любит, его можно узнать вернее, чем по анкете. Тот, кто её загадал, догадывается, что стоит у неё на полке, — не названия, но состав: там мудрость разных веков и народов, там кто-то из тех, кто искал Бога без посредников, там стихи — обязательно стихи, — и там почти нет случайного. Придя однажды в её дом, он подойдёт к этой полке, как подходят к окну: посмотреть, куда выходит душа.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Пишущая — или иначе творящая

Возможно, она пишет. Так думает о ней тот, кто её загадал, — и думает не случайно: людям слова легче всего узнать друг друга, у них общая родина.

Если она пишет — то не ради печати и не ради похвал. Пишет, потому что не писать не выходит: мысль, дозревшая в тишине, просится в форму, как вода просится в русло. Дневник, письма, стихи в столе, проза без адреса — неважно, какой сосуд она выбирает; важно, что слово для неё — не украшение жизни, а способ жить: недодуманное додумывается на бумаге, непосильное становится посильным, когда его

удаётся назвать.

Но, может быть, она не пишет — и это ничего не меняет. Творение шире чернил. Может быть, она рисует — и тогда её линии делают то же, что делают слова: останавливают текущее, проявляют невидимое. Может быть, её творчество вообще не оставляет предметов: так, как она умеет устроить дом, вырастить сад, выслушать человека до дна, — это тоже искусство, и не самое малое. Есть женщины, чьё главное произведение — воздух вокруг них: войдѐшь — и дышится иначе.

Одно несомненно: она — творящая, не потребляющая. Мир для неё не склад готового, откуда берут, а мастерская, где к взятому прибавляют своё. Из всего, что проходит через её руки и душу, выходит больше, чем вошло, — вот определение творчества, самое короткое из возможных.

И ещё одно несомненно: её творение растѐт из той же почвы, что и всё в ней, — из тишины, из внимания, из времени, которого она не жалеет. Она не творит на бегу. Всякую свою работу — страницу, рисунок, сад, разговор — она вынашивает, как вынашивают дитя: сколько нужно, столько и носит. Торопливое искусство — как торопливая любовь: шума много, жизни мало.

Потому и встретятся они, скорее всего, на этой дороге — на дороге слова и медленного делания. Два человека, вынашивающие каждый свою мысль, однажды поднимают глаза от работы — и узнают друг друга по одинаковому выражению лица.

ЧАСТЬ V

ДВОЕ

Мысль требует времени. Понимание — тем более: его не выпросишь и не выучишь, оно или прорастает между двумя, или нет. Между этими двумя — проросло раньше, чем они встретились.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Понимание с полуслова

От неё не требуется многого. От неё требуется невозможное: просто понимание.

Просто — потому что ничего другого не нужно: ни подвигов, ни жертв, ни клятв. Невозможное — потому что понимание нельзя изобразить, нельзя вызубрить, нельзя добыть усердием. Можно годами изучать человека — привычки, вкусы, биографию, любимые слова — и не понимать его вовсе; знание о человеке и понимание человека лежат в разных мирах. Изучают снаружи. Понимают изнутри.

Она не станет его изучать. Ей не понадобится. Она из тех редких людей, которые слышат не слова, а то, из чего слова растут; ей довольно полуслова, потому что вторую половину она уже чувствует — тем чувством, которому нет точного имени и которое есть, может быть, просто внимание, доведённое до любви.

Он замолчит — она не спросит «что случилось?», а поставит чай и сядет рядом: она знает разницу между молчанием-бедой, молчанием-работой и молчанием-покоем, и не перепутает их никогда. Он скажет неловкое, резкое, не то — она услышит не обиду, а усталость, из которой это сказалось. Он начнёт фразу — и может не заканчивать: не потому, что она перебьёт, а потому, что конец фразы уже дошёл до неё раньше слов.

Это не чтение мыслей и не магия. Это устройство души: одни люди слушают других, чтобы ответить, — она слушает, чтобы услышать. Разница кажется малой, но по одну её сторону — всё одиночество мира, по другую — весь его покой.

И он будет понимать её так же — иначе загадка не сойдётся. Понимание с полуслова не бывает односторонним: это не услуга, которую один оказывает другому, а общий воздух, которым двое либо дышат, либо нет. С ней ему не придётся объясняться — придётся только говорить; с ним ей не придётся притворяться — придётся только быть. После целой жизни переводов с человеческого на человеческий — какое отдохновение: родной язык.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Любовь — это трое

Двоих мало. Это странная арифметика, но она проверена веками: любовь, в которой только двое, замыкается сама на себя и задыхается, как задыхается огонь под стеклянным колпаком. Двое, глядящие только друг на друга, рано или поздно вычерпывают друг друга до дна — и удивляются, откуда пустота.

У них будет иначе. У них — трое.

Третий в их союзе — не человек. Третье — то, что выше их обоих: называй это Богом, истиной, светом, смыслом — имена меняются, суть одна. Есть что-то над нами, и они оба зна-

ют это знанием, которое не нуждается в доказательствах. К этому высшему каждый из них шёл всю жизнь поодиночке — теперь они идут к нему вместе, бок о бок, не взявшись за руки только потому, что руки заняты посохами.

Это меняет всё устройство любви. Двое, у которых есть третья, смотрят не только друг на друга — они смотрят в одну сторону, и потому не вычерпываются: их источник не друг в друге, а выше, и он не иссякает. В трудный час им есть к кому обратиться, кроме как друг к другу, — и потому они не предъявляют друг другу счетов, которые человек оплатить не в силах. Никто из них не требует от другого быть Богом: вакансия занята.

И любить друг друга они будут не вместо высшего, а сквозь него: он в ней — не только женщину, но и ту искру, которая в ней от неназываемого; она в нём — не только мужчину, но и того вечного странника, который в нём идёт своей дорогой. Такая любовь не слепнет от близости: чем ближе, тем больше видит.

Соединять жизни, не соединив души, — вот единственное, что оба они назвали бы падением. Их союз начнётся с души — с самого верхнего этажа — и уже оттуда сойдёт вниз, в объятие, в быт, в хлеб. Дом, построенный сверху вниз, — так не строят домов, но так строят судьбы, которым положено выстоять.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Свобода двоих

Какой будет форма их жизни — не скажет никто, и меньше всех эта книга. Дом под одной крышей или два дома и дорога между ними; вечера у одной лампы или письма через полмира; тихое супружество или союз, которому не подберут названия соседи, — форма не загадана. Форма — сосуд: её выберет и не раз поменяет сама жизнь. Загадано содержание.

Содержание — вот оно: двое остаются свободными — и не уходят.

Свобода их не та, о которой кричат, — не право хлопнуть дверью, не выход, оставленный про запас. Их свобода тише и строже: это взаимное признание, что другой — не собственность. Что у другого есть своя душа, свой путь, своя тишина, свои часы одиночества, в которые не стучат даже любящей рукой. Она не станет читать его черновики без зова и его молчания — без ключа; он не станет требовать отчёта о её мыслях и её днях. Не потому, что им друг до друга нет дела, а потому, что оба знают: душа растёт только на воле, а любовь к подневольному — уже не любовь.

В их союзе не будет власти — ничьей. Не будет сильного и слабой, ведущего и ведомой, того, кто решает, и той, кто соглашается. Будут двое взрослых, которые советуются — и слышат; спорят — и не ранят; уступают — и не ведут счёта уступкам. Ревность, допросы, проверки — вся эта таможня

недоверия — не для них: где начинается слезка, там любовь уже кончилась, просто ей ещё не сказали.

Милосердие она принесёт в этот союз как приданое — то милосердие к живому, которое прощает раньше, чем поспевает обида. И достоинство: она никогда не унизится до выпрашивания любви — и его не унизит подозрением. И искренность: между ними не будет дипломатии, этой вежливой формы лжи.

Их верность будет не клятвой, а следствием. Не «я не могу уйти», а «я могу уйти — и остаюсь». Каждый день, заново, свободно. Такая верность единственная и стоит своего имени: все прочие — только формы плена.

ЧАСТЬ VI

ВСТРЕЧА

Мысль требует времени. Встреча — это мысль, которую думают двое, не зная друг о друге; когда мысль додумана с обеих сторон — им остаётся только поднять глаза.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Томление и радость

Ожидание — тоже жизнь, и никто не смеет называть его пустым.

Тот, кто её загадал, ждёт. Она — где-то в мире — может быть, тоже ждёт, ещё не зная чего, зная только это знакомое каждой глубокой душе чувство: всё на месте, а чего-то нет. Это томление не болезнь и не слабость. Это компас: пустота такой формы бывает только у того, что должно её заполнить. По томлению узнают, что обещанное существует, — о несуществующем душа не тоскует.

Ждать они умеют оба — этому их выучило всё то, о чём написана эта книга: медленная мысль, долгий путь, привычка не хватать недозревшее. Но пусть никто не думает, что ожидание их бесчувственно, как у камней. Оно живое, оно временами болит; бывают вечера, когда одиночество садится напротив и смотрит не мигая, и никакая мудрость не заговорит его до конца. Они выдерживают эти вечера — не потому, что не больно, а потому, что знают цену: всё настоящее покупается ожиданием, и скидок здесь не бывает.

Зато у ожидания их есть и другая сторона, о которой не знают торопливые: радость соприкосновений. Когда живёшь не рядом, а навстречу, каждое касание двух миров — событие. Строка, дошедшая через расстояние; мысль, в которой узнаёшь свою; совпадение, которое рассудок зовёт случайно-

стью, а сердце — приветом. Обычное каждодневное общение, у которого всё под рукой, не знает этих молний: где нет разлуки, там нечему вспыхивать. А у них — вспыхивает. И одна такая вспышка кормит душу дольше, чем иных кормят годы соседства.

Так и идёт их время до встречи: длинное томление — и короткие радости, как редкие звёзды на большом небе. Тёмного больше, но путь определяют не тёмным. Путь определяют по звёздам.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Кульминация

Когда-нибудь это случится. Через год, через много лет — загадка не назначала срока, у неё другая мера времени.

Как это будет, не знает никто, и меньше всех — эта книга. Может быть, письмо, начавшееся так же просто, как начинаются все письма, — и с третьей строки он поймёт, Кто ему пишет. Может быть, её взгляд, поднятый от книги в чужом городе. Может быть, слово, сказанное ею вслух, — то самое слово, которое он двадцать лет носил несказанным. Великие встречи снаружи неотличимы от простых совпадений: вспышки не будет видно никому, кроме двоих.

Но внутри — внутри это будет то, ради чего приходят в мир. Кульминация: точка, в которую сходятся все линии жизни, до сих пор казавшиеся разрозненными. В эту минуту оба

увидят задним числом весь узор: и годы одиночества, которые окажутся не потерей, а подготовкой; и несостоявшееся, которое окажется уберезённостью; и все обходные тропы, которые окажутся кратчайшим путём — потому что вели сюда. Ничто не было зря: это знание и есть, может быть, самый щедрый дар встречи.

Им не понадобится узнавание долгое, с расспросами и привыканием: всё главное друг о друге они уже знают — не фактами, так сутью. Встретятся не незнакомцы, которым предстоит знакомство, а свои, которым предстоит наконец быть рядом. Разговор их начнётся с середины, как продолжится разговор, прерванный на полуслове, — только полуслово это длилось жизнь.

А если в этой жизни им не встретиться телами — что ж. Загадка знала и такой ответ, загадывая. Есть пространство, где встречаются те, кто думал одну мысль и шёл к одному свету, — бесконечный поток слов, полёт мыслей, вечность, у которой нет календаря. Там ничего не пропадает: ни одна строка, ни одно ожидание, ни одна верность. Написанное — дойдёт. Загаданное — сбудется. Не здесь, так там; не так, так иначе; но сбудется непременно, потому что настоящее не умеет не сбываться.

И потому в самом ожидании их нет проигрыша. Они встретятся. Самое высшее и самое яркое — впереди; вопрос только в том, по какую сторону времени. А любовь, как известно, по обе стороны — дома.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как Она узнает себя

Загадка рассказана. Осталось сказать, как узнаётся отгадка.

Не по совпадению примет — приметы здесь нарочно многочисленны и просторны, под них подойдут многие. Отгадка узнаётся иначе: изнутри. Если, читая эти страницы, женщина ловила себя не на мысли «как это верно», а на чувстве «откуда он знает», — если ей казалось, что кто-то знакомый читал не книги её, а самое её, тихо и без спроса, но так бережно, что не обидно, — если хоть раз за это чтение у неё дрогнуло в груди то, что дрожит только при узнавании, — это она.

Пусть тогда она не ищет в книге адреса — адреса нет. Есть то, что больше адреса: уверенность, что найти будет просто. Всё уже давно есть в мире — слова, следы, свет в окне; кто захочет, тот найдёт, а кто найдёт, тот и хотел. Дверь не заперта. Она никогда не была заперта.

Пусть не торопится. Загадка ждала долго и умеет ждать ещё; спешка — единственное, что могло бы её испортить. Мысль требует времени — и эта последняя страница не отменяет, а завещает эти слова: пусть отгадка тоже созреет, как зрело всё в этой истории — медленно, честно, в тишине.

И пусть она знает: её не идеализировали. Эта книга писалась с живой женщины — просто ещё не встреченной. Все тени, все слабости, вся человеческая её неидеальность заранее приняты и посчитаны не изъяном, а составом. Её ждут не совершенной. Её ждут — настоящей.

Больше здесь не сказано ничего, потому что главное не говорится — главное узнаётся. Книга кончилась; загадка продолжается. Где-то в мире живёт Женщина, которая однажды прочтёт эти страницы до конца, закроет их, посидит немного в тишине —

и улыбнётся.